

ему не положено чувствовать, мечтать, и навеянные песней «Сулико» воспоминания о Грузии в исполнении разведчицы Чайки, никогда не вернут ему утраченного запаха родины и не спасут Викторину от «всевидящего ока» диктатора, списавшего ее в «отработанный материал».

Во втором действии спектакля события начинаются дробиться по типу клипов, складывающихся в единый пазл вакханалии самоистребления. И даже герой страны, личный пилот Сталина Орлов в мощной трактовке **Виктора Ракова** стоит у него на побегушках и готов выполнять любой безумный приказ. Только последний приказ он не в состоянии исполнить — убить Викторину. Неожиданно вспыхнувшие чувства между Орловым и Чайкой даны артистами пунктирно, будто они заранее запрограммированы секретным компьютером. Судьба влюбленных предопределена заранее

и по-другому быть не может, потому что авторитарная власть не допускает сопротивления, тем более свободного выбора, но она не может помешать Чайке избрать добровольную смерть...

Печален финал мистической истории. Здесь необходимо увеличительное стекло, чтобы лучше рассмотреть истоки зарождения авторитарной власти. Поэтому зрители принимают столь популярную концепцию страшного времени, тем более не такого уж далекого с точки зрения световых лет, и стоя аплодируют актерскому ансамблю и портрету не так давно покинувшего нас художественного руководителя театра Марка Захарова, предупреждающего о возможной опасности любого капкана, в который мы попадаем...

Любовь ЛЕБЕДИНА
Фото Михаила ГУТЕРМАНА

ТРИ ЦВЕТА ПАМЯТИ

Театр «Сатирикон» продолжает поиск нового драматургического материала и все пристальней вглядывается в поколение, которое сегодня стоит на пороге взрослой жизни. После спектакля Константина Райкина «Всем, кого касается», где о будущем пришлось задуматься целому школьному классу, театр выбрал камерный формат — в центре истории под названием «**Мой папа — Питер Пэн**» единственный мальчишка, пытающийся найти ответы на взрослые вопросы в собственном детстве. Показательно, что идет она на сцене **Высшей школы сценических искусств** и играют в ней вчерашние выпускники этого учебного заведения, принятые в труппу «Сатирикона».

Пьеса молодого драматурга, поэтессы и переводчицы **Керен Климовски** (к слову, нашей соотечественницы, живущей в

шведском Мальме) в прошлом сезоне стала одним из лауреатов конкурса «В поисках новой пьесы», который проводится Российским академическим молодежным театром. Эскиз по ней в рамках конкурса сделала недавняя выпускница мастерской Сергея Женовача **Надя Кубайлат**. Ее-то и пригласил худрук «Сатирикона» Константин Райкин довести замысел до полноценного репертуарного спектакля.

Что было бы, если бы я в день X поступил не так, как поступил, а как-то иначе? Как бы в таком случае сложилась моя собственная жизнь и судьбы других — близких, любимых, необходимых как воздух людей? Пожалуй, это один из самых страшных вопросов, среди тех, что человек решается задать самому себе. Всеми возможными способами мы стараемся уйти от необходимости отвечать на него, но наступает момент,

Сцена из спектакля

когда становится ясно: идти вперед не получится, пока не помотришь в глаза самому себе — тогдашнему, давнему. Беззаботному, ничего не подозревающему. Подошел к такому рубежу и герой спектакля Дания (**Константин Новичков**). Он уже почти совсем большой. Именно — почти. Окончательно повзрослеть не получается, потому что взрослый это тот, кто имеет смелость принимать решения и отвечать за их последствия.

Этот ключ без права передачи мальчики обычно получают от своих отцов. Без этого настоящим мужчиной не вырастешь. Но Данин родитель этим не озаботился. Вернее — не счел нужным. Папа (**Илья Рогов**) — веселый, безалаберный и ужасно обаятельный — вздумал сам дезертировать из взрослой жизни. И у него это получилось. Он ведь актер, и, судя по всему, небесталанный. Правда, безработный. Так ведь обивать пороги киностудий и продюсеров, сниматься во всякой проходной чепухе таланту негоже. Придумывать волшебные истории, от которых загораются глаза сына, гораздо приятнее, чем добы-

вать для него хлеб насущный. Легче самому поверить, что ты и есть тот самый Питер Пэн, мальчик, умеющий летать и могущий позволить себе не взрослеть, чем изо дня в день барахтаться в прозе жизни, — собирать не сказочного, а совершенно настоящего сына в школу, мазать ему бутерброды, проверять уроки.

И что с того, что жена этого великовозрастного дитяти и по совместительству мама Дани (**Анастасия Самылова**) убивается на трех работах? Так ей и надо, раз не понимает его тонкую артистическую душу. Когда-то ведь понимала. И будущий Данин папа думал, что эта прекрасная хрупкая Венди всю жизнь будет любить и опекать только его. А она почему-то стала Даниной мамой и ... выросла. И что совсем уж досадно инфантилу-фантазеру — любовь, капля по капле, вытекла из ее сердца. Но без восхищения и заботы Питер Пэн жить не может. Значит, надо найти себе другую Венди, благо одиноких женщин, несмотря ни на что надеющихся найти свое счастье, вокруг хоть пруд пруди. Новой жертвой обаятельного оболтуса становится Дани-

на учительница (**Анастасия Лёвина**): мало кто способен в ее положении удержаться от соблазна сбежать от серых будней с их неизбежной тоской в ослепительно яркий роман с артистом.

Место этой Венди потом могла бы занять другая, третья, стопятнадцатая и столь милая сердцу папы сказка длилась бы до окончания века. Если бы не сын, которому все труднее верить в нее. И вот в один совсем не прекрасный день семилетний Дания (**Алина Доценко**), наивный и добрый малыш, одной фразой разбивает иллюзию, в которой его папа предпочитал прятаться от реальной жизни. Вот этот момент своей жизни Дания и считает моментом истины, и чтобы перейти рубикон отрочества, ему необходимо быть уверенным, что он тогда поступил правильно, сказав папе, что больше не верит в то, что он и есть герой их лю-

бимой сказки и умеет летать. И тогда папа открыл окно и встал на подоконник. Мама сказала сыну, что «скорая помощь» никого внизу не нашла. Тот, семилетний, поверил. Этот, нынешний — хотел бы, да не может.

«Тайная комната» памяти, куда возвращается Дания, сияет ослепительно желтым светом. Здесь все окрашено в победительный цвет солнца — стены, потолок, пианино. И обитатели этого закоулка одеты сплошь в желтое. Кроме самого малыша, бултыхающегося в великоватом комбинезоне-пижаме в виде забавной овечки, и Капитана Крюка (**Ярослав Медведев**), с ног до головы облаченного в красное. А какого же еще цвета может быть самый неотвратимый, самый неизбежный страх маленького ребенка? Да и не маленького, наверное, тоже. Потому что Крюк здесь не персонафицированный злодей, а собиратель-

Мальчик — А. Доценко, Капитан Крюк — Я. Медведев

Сцена из спектакля

Сцена из спектакля

ный образ всего того, чего мы боимся, и у каждого он — свой. Попасть в это заповедное место можно только через «портал», ничем не отличающийся от обычного лифта. Только двери у него ярко-синие. Три бьющих наотмашь цвета, прослоенные мертвенным светом неоновых ламп, производят совершенно магическое впечатление страшной сказки не для детей. Чему удивляться, если сценографией и костюмами занимался **Денис Сазонов**, воспитанный мастерской Дмитрия Крымова и Евгения Каменьковича.

Режиссерское решение Нади Кубайлат сводит на нет избыточный мелодраматизм пьесы. Рвать страсти и души в клочья — не ее стиль. Ей ближе холодная взвешенность прозектора, делающего вскрытие. Все эмоции отмерены персонажам с аптекарской точностью и в гомеопатических дозах. Только малышу в смешной пижаме с такими беззащитными барашковыми ушками и хвостиком время от времени даются послабления, правда, не слишком существ-

венные. Перед зрителем разворачивается сеанс групповой психотерапии во всей своей неудобности, неуютности, а то и откровенной неприглядности.

Ты можешь согласиться сыграть с человеком в игру, по правилам, которые он тебе предложил. И вы оба можете получать от нее удовольствие, но это не означает, что подобное занятие не может тебе надоесть. И что делать, если играть уже не хочется, а твой «партнер» жизни без этой забавы не представляет, если она для него и есть сама жизнь? Притвориться и продолжать жить чужой жизнью по чужим правилам или сказать безжалостную правду? Хотели этого создатели спектакля или нет, но получился он не о том, что в жизни каждого есть точки невозврата, а об ограниченности кредита доверия. Который мы можем выдать даже самому близкому, самому родному человеку.

Виктория ПЕШКОВА
Фото Александра ИВАНИШИНА